Тульские известия. - 1991, 13 июля

Яма в Никольском лесу

репортаж из бывшего ада

Жаркий июльский полдень. Поднимаю голову и вижу ярко-голубое безоблачное небо между ушедшими высь зелёными кронами лип, берёз, клёнов. Какая мирная благостная красота! Изумительно прекрасна наша планета.

Под воздействием вот таких картин созданы легенды о рае.

…Машины остановились на узком асфальтированном шоссе. По обеим сторонам высокий частый лес. Навстречу нам бегут рослые ребята в зелёно-коричневых, расписанных под листву комбинезонах. Торопливо выстраивается в линейку вдоль дороги.

Так мы знакомимся с теми, кто работает здесь, в Никольском лесу, в десятке минут езды от северной окраины Тулы.

Вслед за сержантами и солдатами углубляемся по свежей тропинке в чащобу. Сумрачно, под ногами хрустит валежник, то и дело перешагиваем через обомшелые, заросшие травой и кустарником полусгнившие стволы.

-Вот здесь и производились расстрелы, говорит начальник следственной части областной прокуратуры Валерии Игнашин. - В 1937-38 тут была полная глухомань, ни дорог, ни жилья поблизости. Сюда по ночам привозили осужденных, расстреливали и зарывали. Теперь на дела этих людей пересмотрены - все реабилитированы.

Чаща плотная, и всё же от дороги солнечный полдень просвечивает. Но уж померк в сердцах тот свет, в душу снисходит глухая полночь полувековой давности.

- Раскопки мы начали в конце нынешней весны, как только подсохла почва, рассказывает сотрудник УКГБ СССР по Тульской области Сергей Сливкин. Сигналы о том, что тут производились расстрелы, поступили ещё прошлым летом, тогда же были обнаружены первые доказательства массовых захоронений людей с признаками насильственной смерти. Но для того, чтобы подтвердить юридически, нужны раскопки на большой площади и специальное следствия. Эта работа начата нынешней весной.

Десятка два или три метров прошли мы от дороги. Обратили внимание на места, где нет травы и кустарника, а только чёрные листья и веточки плотно прижались к почве. Это

углубления, овальные или круглые, а то и нечеткие прямоугольники. Можно было понять, что в них долго стояла вода, и только нынешние месячная жара её выслужила. Пойдут дожди - и вода снова надолго, до зимы и заполнит неглубокие стойкие впадины.

- Это «провалы», - пояснил начальник следственной части УКГБ Игорь Ерёмин. - Таких элементов мы тут насчитали двадцать пять – тридцать. На некоторых из них и начали копать.

И вот перед нами две глубокие, не меньше трех метров, ямы с высокими бортами выброшенной глины по краям. Каждая - квадрат четыре на четыре метра. Пока мы шли сюда, слушали рассказы провожатых, солдаты уже приступили к работе, обеденный перерыв у них закончился. Некоторых мы увидели дне ям - в натянутых выше колен резиновых бахилах на глинистом мокром дне. Ребята с усилием запускали лопаты в вязкий грунт, зачерпывали часть его и подбрасывали на промежуточные уступы, откуда их товарищи лопатами же соскребали выброшенную кучку жидкой глины и перекладывали наверх.

Мы - это члены комиссии, созданной облисполкомом для поисков захоронений необоснованно репрессированных в тридцатые, сороковые и в начале пятидесятых годов по политическим мотивам. И ещё - группа из Тульского телевидения во главе с Галиной Цой, приглашённая, чтобы запечатлеть исторический момент.

Неподалёку от одной из ям на куске брезента разложено четыре ряда жестяных проживавших кружек с остатками зелёной, коричневой, синей и белой эмали - в каждом ряду по восемь. Изъеденная ржавчиной алюминиевая чашка. Две бутылки, у одной разбитое горлышко. Старинное пенсне, одного стекла нет, у другого - половинка.

Рядом на траве – порванные, очищенные от глины сапоги, башмаки, галоши. И тут же десять ржавых лопат без ручек и половина проржавевшего ящика из-под патронов (гильзы я видел раньше, на столе у Валерия Игнашина).

Осмотрев всё это, возвращаемся к ямам. Замечаем, как лопата одного из солдат упёрлась во что-то и он с осторожностью поддел из глины короткую палочку, взял её рукавицей и подал стоящему на уступе товарищу. Да это же не палочка! Это человеческая кость! Бедро, голень, плечевая, а может быть малая или большая берцовая. Густо облепленная чёрной глиной. Да, чёрной, пожалуй даже тёмно-синеватой.

- Вокруг костей всегда так, - прокомментировал Ерёмин. - Результат разложения органических веществ.

Что за органические вещества вокруг костей? Человеческие тела, сгнившие десятилетие назад…

А солдаты между тем извлекает всё новые и новые кости: рёбра, лопатки, нижние челюсти. Поднимают их наверх, легонько очищают от глины и аккуратно складывают на борту.

Их накопилось уже порядочно, когда лопата стукнула обо что-то на дне трехметрового котлована. Солдат повернул заступ и поддел нечто круглое, гладкое и все увидели чёрный человеческий череп. Его тоже подняли наверх, сняли липкую глину и начальник областного бюро судебно-медицинской экспертизы Олег Виноградов, натянув белые резиновые перчатки, взял его, стал поворачивать, рассматривать и тут же диктовал для акта экспертизы:

- Правее затылочного бугра - отверстие треугольной формы…

Игнашин, положив лист бумаги на дипломат, записывал. Потом Виноградов уже не для протокола сказал:

- Похоже на выходное отверстие.

Кто стоял тут вокруг подумали: куда же могли стрелять? В лицо? Но ни на лобной кости, ни вокруг носовой дырок нет. Целёхонька верхнюю челюсть – зубы ровные, все до единого сидят прочно.

Игнашин надписывает что-то на большом коричневом конверте, вкладывает в него череп и опускает в картонную коробку. Повезут на исследование.

Череп этот из найденных здесь - восьмой. Первые семь (они уже отправлены в лабораторию) - без пулевых отверстий. Это озадачивает экспертов. Зато нашли смертельные дырки в лопаточных костях. Так что выстрелы могли быть и не в затылок, а в спину.

Смотрю на выложенные в ряд и кучками кости, на череп - и предстает передо мной та жуткая ночь, пятьдесят четыре года назад.

…По проселочной тележной колее «воронок», сколько мог, углубился в лес, потом шофёр сказал «Всё!», заглушил мотор. Капитан, майор или кто там - выскочил из кабины и распорядился открыть двери кузова. И оттуда в ночь, освещаемые фонариками конвоиров, один за другим спускаются приговоренные. В сапогах и башмаках, галошах. А руки не связаны? А узелки с кружками и с чем там еще в руках? Вот осторожно вступает на лесенку тот, в пенсне…

Они еще не знают, куда их привезли? Или уже давно все поняли? Но надежда живет до последнего. А вдруг - на этап? А может – на пересылку… Да какая пересылка! Приговор то уже висит на каждом, объявлен еще несколько суток назад. Ждали, ждали этой ночи!

И все же была надежда. Слабая, росточек хилый, но была.

Построив в затылок по одному, их повели в сторону от дороги, под дулами наганов и винтовок. (Может, и овчарки были? Или тишину нарушать опасались?) И прошагали они те десятки метров, которые и мы прошли сегодня по их следам.

Остановили несчастных у вырытой ямы. Вырытой ли? А может её ещё и не было и рыли тут же, при них? Или они сами?

Да нет - вырыть яму дело не быстрое.

Господи, есть ведь люди, видевшие всё это! Мало, единицы, но есть! Они стары, плоха у них память. Однако такое не забывается.

Жив шофёр, который возил сюда осуждённых. Ему сейчас под восемьдесят, но он кое-что помнит. Возил по двенадцать, по двадцать человек…

Так кто же рыл ямы?

Шофёр говорит: иногда и ему приходилось помогать.

Их подводили к краю и - стреляли. По одному?

Ночь. Лес. Луч электрофонарика. Точность попадания? Да так ты уж она важна? Свалился человек в яму. Не шевелится. Рядом или на него падает следующий. Он дёргается, пытается ползти. В него выстрел дополнительный. Ещё и другой для верности. Патронов - вдоволь. Недаром же здесь тот полусгнивший ящик из-под них, в той же яме. Так что отверстия могли остаться не только на затылочной части черепа.

Чтоб не кричали, конечно же, закладывали кляпы. Когда? Перед выстрелом? Или уже вели с кляпами?

А руки, руки не связывали?

Не технология палачества интересует – не могу запретить воображению рисовать адские картины!

И вот на что ещё не могу дать ответа. Почему так глубоко? Почему первые черепа нашли на глубине метр восемьдесят, а последний на трех метрах? Да где же, когда копали братские могилы такие глубины? Зачем? Кто их в этом чаде стал бы раскапывать в том

тридцать проклятом году? Да самая добротная мирная могила на кладбище не глубже полутора - двух метров, а когда второпях, да и для многих, - кто же будет стараться?

- Именно потому, что для многих и было так глубоко - решает Валерий Игнашин. - У нас впечатление, что тела складывали штабелями. По расположению черепов можно понять. Да и по воспоминанием очевидца так выходит: штабель вдоль ямы - штабель поперёк.

Но тоже сомнительно. Кто и зачем в эту адскую ночь скрупулезно следил за геометрии трупов?

Чтобы по той дьявольской инструкции засыпать не меньше чем на два метра.

Почему на два? Да и метра больше чем достаточно, чтобы надёжно спрятать казненных. Знаем зафиксированные в истории примеры, когда лица чуть-чуть присыпали. А тут уж такая сверхточность, такая предусмотрительность. Ну, часовых бы поставили на недельку, убедиться, что никто не пронюхал. Да и кто в то время пронюхать мог? Нос-то тогда не совали куда не положено. Слишком это было накладно.

Смотрю на окружающих меня молодых людей с такими хорошими, по-доброму сосредоточенными лицами и думаю: дети другой эпохи, представляют ли они суть того далёкого времени? Сурового, жестокого и беспощадного. Наглухо замкнутого, как чёрная космическая сфера, стянутая чудовищным давлением гравитации.

Вот отвечают на вопросы Галины Цой младшие сержанты Сергей Нечаев, Вадим Винокуров. Один внешний спокойно сдержанно, другой эмоционально взволнованно. А что на душе у этих девятнадцатилетних ребят, что за словами неизбежно казенными.

Вдвое старше их Игнашин, Ерёмин, Сливкин, Виноградов. Что у них на душе, у прошедших юридические и медицинские факультеты?

Собираемся в обратный путь. Солдаты продолжают свою тяжёлую работу. Нечаев широкими шагами очередной «провал»: «Вот здесь начинайте!» Мальчики берутся за лопаты

Для того чтобы более или менее точно узнать число захоронённых, - ещё рыть и рыть! Сопоставлять найденное с архивными данными. По ним здесь - сотни и сотни расстрелянных.

Все они невиновны.

Выходим на шоссе . Сияет в зелёных высоких кронах голубое небо года 1991. Из радиоприёмника звучит гимн РСФСР. Музыка Глинки. В Москве идет Съезд народных депутатов.

Пожалуй, я отвечу, что у всех на душе. Сделать всё, чтобы ад здесь не повторился.

И нигде в другом месте.

Сергей Щеглов